

© 1996 г. Н. И. МИХАЙЛОВА

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И АЛЬБОМНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Автор раскрывает многообразные связи «Евгения Онегина» с современной ему альбомной культурой: описание различных типов альбома в тексте романа, отражение в его поэтической системе жанров, тематики, мотивов, образов, стилистики, характерных для альбома первой трети XIX века; выписки из «Евгения Онегина» на страницах альбомов. В статье широко использованы материалы из собрания Государственного музея Пушкина в Москве.

The author shows in how many ways the text of «Eugene Onegin» is connected with the album culture of the early 19th century: there are different album types described in the novel and album genres, themes, motives, imagery and styles are incorporated in its poetic structure. On the other hand, the text of the novel was widely used for copying in the albums. The article is based on the collections of the Pushkin Museum in Moscow.

Страницы «Евгения Онегина» запечатлели и такое заметное явление русской культуры первой трети XIX в., как рукописный альбом, именно в 1820-е годы, т. е. во время создания и действия пушкинского романа, переживающее свой расцвет. Упомянутые во второй главе сентиментальные «альбомы нежных дев», в которые некогда «писывала кровью» Прасковья Ларина, и ее собственный альбом, забытый ею, как и «стишков чувствительных тетрадь», после замужества; описанные в четвертой главе «уездной барышни альбом», заполненный стихами и рисунками Владимира Ленского альбом Ольги Лариной, украшенные рисунками Ф. И. Толстого и стихотворениями Е. А. Баратынского «великолепные альбомы», альбом «блистательной дамы»; альбомы с карандашными зарисовками известного карикатуриста Сен-При, о которых сказано в восьмой главе; наконец, оставшийся в рукописях, не вошедший в седьмую главу альбом Евгения Онегина — все это с достаточной полнотой представляет различные типы альбомов пушкинского времени, воспроизводит характерные образцы альбомной поэзии и альбомных рисунков.

Альбом Онегина являлся предметом специальных исследований [1, 2]. Стихи, посвященные альбомам, с той или иной степенью подробности комментировались. Однако эту работу нельзя считать законченной. Комментарий может быть дополнен прежде всего альбомными текстами, свидетельствующими о точности Пушкина. В данном случае представляется небезынтересным обратиться к собранию альбомов пушкинского времени, хранящемуся в рукописном отделе Государственного музея А. С. Пушкина: в них есть разнообразный материал для сопоставления с пушкинскими описаниями альбомов в «Евгении Онегине». Так, например, «стихи без меры», упомянутые Пушкиным в описании альбома уездной барышни, встречаются очень часто. Альбом Анны Лукашевич, заполненный в 1817—1820 гг. главным образом ее подругами («что все подружки измарали/С конца, с начала

и кругом»), в этом отношении весьма показателен. Приведем один из возможных примеров «стихов без меры»:

Все разрушится и истлеет¹
И злодей во мрак пойдет
Одна лишь добродетель предела не имеет,
Она в душе твоей живет [3].

И клятвы «в любви до гробовой доски» можно прочесть на альбомных листках:

Тебе вручаю Душу
Тебя клянусь любить
Я клятвы не нарушу
Доколе буду жить [4].

Одним из возможных аналогов «злодейскому стишку», который «подмахнул» в альбоме барышни «пиит армейский», может служить следующий альбомный текст (автор — корнет гвардии П. П. Сумароков):

Девица,— кою сбыть скорее с рук желают,
И тщатся, чтоб ее богатей нарядить,
Сходна с пилюлею, котору позлащают,
Дабы скорей ее заставить проглотить [5].

Стихи, помещенные в самом низу последнего листка:

Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня [6, с. 85],—

часто завершают альбомные записи. Ср.:

Кто любит тебя больше меня,
Тот пусть напишет ниже меня [7].

Подобные сопоставления, разумеется, могут быть продолжены. Описанные Пушкиным альбомные рисунки, многие из которых имеют отмеченный комментаторами символический смысл («два сердца, факел и цветки», на лире голубок, «сельски виды, надгробный камень, храм Киприды»), могут быть проиллюстрированы соответствующими рисунками из альбомов. При этом любопытно обратить внимание на то, что рисунки Ленского по-своему предсказывают его судьбу. Нарисованные им в альбоме Ольги «сельски виды, надгробный камень, храм Киприды» (аллегория, означающая «любовь до гроба») соотносятся с сельским пейзажем, окружающим «памятник простой» на могиле юного поэта. Что же касается упомянутых Пушкиным альбомов с акварелями Ф. И. Толстого, карандашными рисунками Сен-При и стихами Е. А. Баратынского, то, вероятно, имеет смысл задать вопрос: какие именно альбомы в данном случае мог видеть автор «Евгения Онегина»? Для ответа на этот вопрос необходим поиск в архивных и музейных собраниях.

Дополнительный свет на альбомные строфы «Евгения Онегина» могут пролить и опубликованные мемуары. Обратимся к XXX строфе четвертой главы пушкинского романа:

Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,

¹ Здесь и далее сохранена пунктуация оригинала.

и шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши! [6, с. 86]

В воспоминаниях В. П. Горчакова, созданных на основе его дневников, есть забавный эпизод, относящийся к альбому «светской затейницы»: по ее требованию Пушкин написал ей мадригал, но поставил под ним дату «1 апреля» [8, с. 246—257]. М. А. Цявловский связывает этот эпизод с И. Г. Полетикой [9, с. 212], В. Э. Вацуро — с З. А. Волконской [8, с. 508]. И хотя текст Пушкина был создан раньше описанного эпизода, мемуарное свидетельство В. П. Горчакова является своего рода параллелью к пушкинским стихам, как бы представляя воплощение возможности, обозначенной в приведенной нами строфе.

Альбомная культура пушкинского времени отразилась в пушкинском романе не только в конкретных упоминаниях и описаниях альбомов. В этом отношении представляются интересными наблюдения В. С. Баевского, рассмотревшего альбомную ветвь «легкой поэзии» в «Евгении Онегине». В качестве альбомной лирики им рассмотрены куплеты Трике и ария из «Днепровской русалки», отмечена негативная оценка Пушкиным некоторых жанров альбомной лирики, в частности «пошлого мадригала» [10, с. 48—51]. Думается, однако, что вопрос может быть поставлен более широко: как отразились в поэтической системе «Евгения Онегина» жанры, темы, мотивы и образы альбома первой трети XIX в., его структура, его стилистика? Обширная литература, посвященная альбомам пушкинской эпохи, работы М. П. Алексеева [11], В. Э. Вацуро [12], Ю. М. Лотмана [13], Л. И. Петинной [14, 15], О. Б. Авиловой [16], А. В. Корниловой [17], носящие концептуальный характер, позволяют акцентировать внимание на структурных особенностях альбома (при разнообразии его видов), которые в свою очередь могут быть соотнесены с текстом романа Пушкина.

Определенная аналогия «Евгения Онегина» с альбомом может быть намечена, начиная с самого процесса создания романа. Как и альбом, роман создавался в течение нескольких лет, причем в рабочих тетрадях (своего рода альбомах) его строфы и сопровождающие многие из них рисунки попадали в контекст других произведений и рисунков Пушкина. Если альбом при некоторых правилах заполнения был достаточно свободен по построению, то и роман Пушкина, имея в конечном счете стройную композицию, изначально мыслился его создателем как свободный роман. И альбому, и пушкинскому роману свойственна установка на болтовню, диалог. При этом, пожалуй, именно связью с альбомной культурой может быть объяснена указанная Ю. М. Лотманом особенность пушкинского текста, в котором некоторые намеки были понятны только узкому кругу друзей, но недоступны для многих читателей [13, с. 9—10]: альбомный диалог, вовлекая все новых и новых авторов альбомных записей, сохранял тайны, доступные лишь посвященным.

Анализируя круг альбомных тем, Л. И. Петина определила их смысловые противостоящие друг другу центры: жизнь и смерть, сиюминутное и вечное. Альбомное творчество раскрывало и многообразно варьировало темы скоротечности жизни, юности, призрачности счастья, суеты земного бытия, прощания, надежды, любви, дружбы, живого общения [15]. Все эти темы широко представлены и в «Евгении Онегине». Особо следует отметить тему памяти, воспоминания. Эта тема пронизывает альбомы, часто начинаясь с первой записи самой его хозяйки:

На память всех кто меня любит,
Прошу в альбоме сем писать... [18]

Родственники, друзья, поклонники — все так или иначе, каждый по-своему развивали эту тему:

Быть в памяти твоей,
Вот цель души моей [19].
Любить тебя меня ты научила

Забуть тебя не выучить меня [20].
О слишком счастлив был бы я
Когда б вы вспомнили меня
Без помощи Альбома [21].

Сам альбом осмысляется в альбоме как памятная книга:

О! Альбом! Живи сто лет
Нашу память сохраняя!..
Без тебя и нас как нет...
Ах! Живи нас вспоминая! [22]

В. Пушкин писал в альбомном стихотворении: «Альбом есть памятник души» [23, с. 132]. Роман «Евгений Онегин» можно с полным основанием назвать памятником души его автора. Воспоминания Пушкина пронизывают текст, начиная с первой главы и кончая восьмой главой, отрывками из путешествия Онегина. Не случайно в романе листы альбома названы «листочками воспоминаний».

Среди альбомных тем представлена и тема самого альбома. Хотелось бы обратить внимание на стихотворение А. Ф. Мерзлякова «В альбом против альбомов»:

Нет, нет! Пускай скорее надо мною
Ударит грозный гром,
Чтоб я, усердного исполненный душою
В Альбоме говорить с тобой, Елена, стал!
Ни строчки, никогда!... Ах! я уж написал [24, с. 52].

Можно говорить о том, что описание альбомов в стихотворном романе, проклятия «великолепным альбомам» («Пускай сожжет вас божий гром») — в русле альбомной традиции.

Альбомные произведения многообразны по жанровому составу: мадригалы, дружеские послания, басни, романсы, песни, надписи, стихи на случай, моральные сентенции, афоризмы. О присутствии разных жанров в структуре романа Пушкина есть немало исследований, специальное внимание жанровому своеобразие «Евгения Онегина» уделено в монографии В. Н. Турбина [25]. Заметим лишь, что в «Евгении Онегине», как и в альбоме, соединяются проза (некоторые эпиграфы, примечания) и стихи и сам «Евгений Онегин» определен Пушкиным как роман (т. е. прозаический жанр), но в стихах. Укажем и на то, что в альбомы вклеивались письма. Письмо Татьяны и письмо Онегина как бы вклеены в своеобразный альбом автора — его стихотворный роман. О письме Татьяны сказано:

Письмо Татьяны предо мною:
Его я свято берегу... [6, с. 65]

Автором сохранена и предсмертная элегия Ленского — «стихи на случай». Во многом к альбомной традиции восходят, на наш взгляд, сентенции в «Евгении Онегине». Так, например, «Привычка свыше нам дана:/Замена счастью она» [6, с. 45], как указано в примечаниях к роману, своего рода цитата из Шатобриана: «Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке» [6, с. 662]. Шатобриан — один из популярных «альбомных» авторов, выписки из его произведений встречаются в альбомах довольно часто. В данном случае обратим внимание и на то, что стихи на тему привычки, приносящей счастье, сохранились в одном из альбомов:

Привычка с сердцем согласилась
Узрев красу души твоей.
Привычка в чувство обратилась

А чувство в счастье моих дней
И так я в страсти не таюся
И в том что буду век любить
С привычкой век не разлучуся
Без ней твой друг не может жить [26].

Значительное место в альбомах занимали выписки из произведений русских, античных и европейских авторов. Чужие тексты переадресовывались, часто претерпевали переделки, осваивались и как бы присваивались творцами массовой альбомной культуры. Один из них оставил такую запись:

Читал — скажу я «ах!»
Без лести и притворства
Во многих тут стихах
Нет правил стихотворства
И лучше б не писал
Кто не рожден поэтом
Стихов в альбоме этом
А их бы выбирал
Что делать? рока злого
Преследуем грозой
Беру из Языкова
Я с горькою слезой.
Любитель стихов [27].

И еще один альбомный текст:

Все здесь писано прекрасно:
Кто из Пушкина хватил
Иной из песенок вклеил
Другой трудился не напрасно... [28]

Как известно, значительный пласт «Евгения Онегина» — цитаты и реминисценции, которые в данном случае можно расценивать как «присвоенное» чужое слово. В связи с этим напомним, что Пушкин вписывал в альбомы не только свои, но и чужие стихи, например стихотворение Державина «Река времен в своем течении» в альбом Д. А. Остафьева.

Для альбомных стихотворцев-дилетантов свойственны сожаления о своем слабом даре, обращения к известным поэтам. Можно привести достаточно много тому примеров. Вот один из них:

Так, в первый раз еще роптать
На провидение я смею!
Зачем я даром дивным не владею?
В листы холодные переливать,
Что так я сильно чувствовать умею;
Мою любовь к моим сестрам.
Владея Пушкина искусством
Тогда с каким бы пылким чувством
Ее в Альбоме описал я вам... [29].

В некотором смысле подобная альбомная ситуация не без скрытой иронии представлена и в «Евгении Онегине»:

Певец Пиров и грусти томной,
Когда б ты был еще со мной,

Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном... [6, с. 64—65]

Ср.: Зачем я не могу Жуковскому подобно
Стихи писать как он приятно и удобно?
(...)

Волшебным обладав Поэзии пером,
Я смело бы тогда брался за ваш альбом [30].

Сопоставляя «Евгения Онегина» с альбомом, следует отметить и то, что альбом обладал широким регистром различных интонаций — от нежной, шутливой до патетической и порой трагической. В этом отношении показательны и стихи Пушкина, записанные им в разные альбомы, например: «Мне изюм/Нейдет на ум», «Что в имени тебе моем», «Полководец». Богатство интонаций отличает и роман «Евгений Онегин».

В целом альбом, соединяя различные тексты, стихотворные и прозаические, с рисунками — портретами, карикатурами, пейзажами, античными и жанровыми сценами, цветами, символами, — представлял собой некую разнообразную и живую пестроту. О «безыскусной пестроте» домашнего альбома писал Пушкин в стихотворении «И. В. Сленину». «Собраньем пестрых глав» представил он читателю свой стихотворный роман.

Современники Пушкина почувствовали генетическую связь «Евгения Онегина» с альбомом. В данном случае показательное определение, которое дал роману Н. И. Надеждин: «...произведение сие было не что иное, как вольный плод досугов фантазии, поэтический альбом живых впечатлений таланта, играющего своим богатством» [31, с. 108]. И, что еще существеннее, «Евгений Онегин» переписывался первыми его читателями в альбомы, где фрагменты пушкинского текста попадали в контекст альбомных записей и рисунков. В пяти из 80 рукописных сборников и альбомов, хранящихся в Государственном музее А. С. Пушкина, — выписки из «Евгения Онегина».

Раскроем альбом Аннет N., украшенный обложкой из коричневой тисненой кожи. Его листки с золотым обрезом хранят уверения в любви и дружбе, моралистические сентенции, трогательные в своей наивности рисунки. Среди других стихов — список пушкинского послания «К Н. Я. Плюсковой» и отрывок из XX строфы первой главы «Евгения Онегина» под названием «Описание Истоминой в „Онегине“» [32]. Альбом датируется 1818—1829 гг. Следовательно, выписка из «Евгения Онегина» была сделана читательницей пушкинского романа с отдельного издания первой главы, вышедшего в свет в 1825 г.

Чрезвычайно интересен альбом Киреевского (какого именно — еще предстоит установить). На 66 его листах, заполненных в 1820—1836 гг., помещены списки произведений русских и французских авторов, афоризмы, изречения. Читая их, можно с достаточным основанием предположить, что владелец альбома — молодой человек. Он живо интересуется общественными вопросами, хорошо осведомлен в запрещенной литературе. В альбоме Киреевского списки оды Рылеева «Гражданское мужество», басня Дениса Давыдова «Голова и ноги», отрывки из комедии Грибоедова «Горе от ума». Среди 19 списков стихотворений Пушкина — «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву». И здесь же — отрывки на французском языке из Буало, Вольтера, Руссо, Бальзака, рассуждения о любви и женщинах: «Милая женщина — есть судьба, приводящая все в движение. Глаза есть проводники любви» [33]. Киреевский, как и Аннет N., переписал понравившуюся ему XX строфу из первой главы «Евгения Онегина» с описанием блещущих театральных лож

и блистательной Истоминой, стихи с изображением кабинета Онегина из седьмой главы и из седьмой же главы строфы XXI (с восьмой строки), XXII (первые девять строк).

Альбом А. Редичкина, датируемый 1829—1831 гг., скорее рукописный сборник, составленный владельцем сообразно своим читательским пристрастиям. На его страницах — стихотворения Карамзина, «Модная жена» И. И. Дмитриева, «Гусарская песня» Д. В. Давыдова, стихотворения Пушкина «Черная шаль» и «Клеветникам России», целиком переписанная с печатного издания поэма Пушкина «Кавказский пленник». А. Редичкин полностью переписал с первого издания и первую главу «Евгения Онегина» с посвящением Л. С. Пушкину, и «Разговор книгопродавца с поэтом», а также с публикации в «Московском вестнике» отрывок из седьмой главы романа под названием «Одесса» [34].

В альбоме неизвестного лица, заполненном рисунками, стихами и записями о дружбе, любви и меланхолии, — три строки из строфы VII третьей главы пушкинского романа:

Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь
Душа ждала — кого-нибудь [35].

И наконец, альбом графа Николая Толстого, который заполнялся разными лицами с 1825 по 1884 г. В 1820-е годы владельцем альбома был Волков. По предположению Е. В. Музы, это поэт и переводчик Платон Григорьевич Волков. Его перу принадлежит помещенный в альбоме перевод на французский язык стихотворения Пушкина «Я пережил свои желанья». Он же переписал пушкинские стихотворения «Слеза», «К Морфею», «Элегия» и строки из XLVI строфы первой главы «Евгения Онегина»:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней [36].

Примечательно, что под этой, вероятно, сделанной по памяти выпиской из пушкинского романа стоит дата 14 декабря 1827 г. Возможно, пушкинским текстом отмечена мысль о восстании декабристов, память о трагических событиях двухлетней давности.

Таким образом, даже пять альбомов с выписками из «Евгения Онегина» свидетельствуют о многообразных формах «освоения» пушкинского романа альбомной культурой.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Сам Пушкин, по-видимому, осознавал родственность своего романа в стихах альбомному миру, возможность возвращения «Евгения Онегина» на страницы альбома. Об этом свидетельствует его запись 2 октября 1835 г. в альбоме А. Н. Вульф. На память о Тригорском он написал строки из XLVI строфы шестой главы «Евгения Онегина»:

Простите, сени!
Где дни мои текли в глуши
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души [37, с. 664].

При этом Пушкин соединил в своей записи этот отрывок из «Евгения Онегина» с английской цитатой из стихотворения Кольриджа «Жалоба», т. е. вольно обошелся с собственным текстом в духе той альбомной свободы, которая во многом сказалась в его стихотворном романе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соловей Н. Я.* Из истории работы Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина» (Альбом Онегина)//Замысел, труд, воплощение. М., 1977.
2. *Иезуитова Р. В.* Альбом Онегина (Материалы к творческой истории)//Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989.
3. Государственный музей А. С. Пушкина (в дальнейшем — ГМП), рукописный отдел (в дальнейшем — РО), ф. 3, оп. 1, А 8/54, л. 4.
4. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 21/87, л. 6 об.
5. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 43/118, л. 11 об.
6. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 17 т. Т. VI. М.; Л., 1937.
7. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 8/54, л. 56.
8. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М., 1985.
9. *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.
10. *Баевский В. С.* Сквозь магический кристалл. Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина. М., 1990.
11. *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний//Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960.
12. *Вацуро В. Э.* Из альбомной лирики и литературной полемики 1790—1830-х гг.//Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979.
13. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. Пособие для учителя. Л., 1980.
14. *Петина Л.* Структурные особенности альбома пушкинской эпохи//Проблемы типологии русской литературы. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Тарту, 1985.
15. *Петина Л. И.* Об особенностях альбомной литературы//Пушкинские чтения. Таллин, 1990.
16. *Авилова О.* Пушкинская эпоха домашнего альбома//Декоративное искусство СССР, 1985. № 6.
17. *Корнилова А. В.* Мир альбомного рисунка. Л., 1990.
18. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 6/16, л. 1.
19. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 7/50, л. 14.
20. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 9/52, л. 16.
21. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 9/52, л. 18.
22. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 48/148, л. 71 об.
23. *Пушкин Василий.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989.
24. Собрание образцовых русских сочинений. Изд. 2-е. Ч. 5. СПб., 1822.
25. *Турбин В. Н.* Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», М., 1996.
26. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 29/95, л. 44 об.
27. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 6/16, л. 57 об.
28. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 6/16, л. 59 об.
29. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 26/92, л. 21.
30. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 29/95, л. 32.
31. Телескоп, 1832, ч. 9, № 9.
32. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 48/148.
33. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 1/4, л. л. 45, 51.
34. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 13/78, л. л. 20—42, 57—59 об.
35. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 18/84, л. 88 об.
36. ГМП, РО, ф. 3, оп. 1, А 31/97, л. 56 об.
37. Рукою Пушкина. М.; Л., 1935.